

—

В полдень в медицинской лавке для Хо Шу отдельно приготовили еду. В лавке было много посетителей, и было так много работы, что не оставалось свободного времени. Из врачей был только Хуан Иньшэн, а кроме него, был пожилой аптекарь и молодой ученик-травник, который помогал пациентам.

Хуан Иньшэн был занят осмотром пациентов и выписыванием рецептов и не мог освободиться, кроме того, ему нужно было присматривать за Цзи Таоюем, поэтому Хо Шу обедал один.

Еда была расставлена на квадратном столе у окна в гостевой комнате, в семи или восьми блюдах размером с ладонь, украшенных синим рисунком, явно из одного сервиза.

Блюда казались немного мелкими по сравнению с большими глиняными мисками с северо-запада. Но хотя они были маленькими, их было много, и квадратный стол был полон, выглядело очень щедро.

Хо Шу видел такие украшенные блюда и миски и на северной границе, но только в палатках офицеров или генералов. Их обычно не использовали, и только когда в лагерь прибывали гражданские чиновники, доставали эту посуду.

Такая посуда легко бьется и на северной границе стоила дорого, поэтому ее использовали немногие.

Однако в Цзяннане эти вещи производились в изобилии, и в Тунчжоу даже самые изысканные украшенные блюда и миски стоили недорого.

Молодой ученик-травник открыл окно гостевой комнаты, стол сразу стал светлее. Снаружи находился маленький внутренний дворик, где уже расцвели несколько маленьких белых хризантем.

Свет падал на стол, делая еду еще более аппетитной.

Это был первый прием пищи Хо Шу в Тунчжоу.

На столе было три мясных блюда: тарелка с целой рыбой длиной в два-три дюйма, миска с жареной бараниной, и еще одна миска с утиными субпродуктами; кроме того, было два сезонных овощных блюда, кубики лotosового корня и хрустящие побеги бамбука, и, кроме этого, суп, название которого он не знал.

Он видел, что коробка с едой была принесена извне, и, видимо, Хуан Иньшэн специально заказал ее из ресторана.

После того как молодой ученик-травник расставил блюда, он ушел. Хо Шу не стеснялся и взял палочки, чтобы попробовать небольшие блюда Цзяннаня, которые в армии могли себе позволить только генералы.

После того как он быстро все съел, Хо Шу почувствовал, что приехал в нужное место.

Кухня Цзяннаня была разнообразной и изысканной, освежающей и возбуждающей аппетит, хотя он, привыкший к более грубой пище, ел ее словно «бык жует пион».

После полудня Хо Шу отдохнул немного в комнате, но потом не мог сидеть на месте.

Здесь повсюду была вода, и он набрал немного, чтобы почистить свою лошадь в конюшне при медицинской лавке.

В конюшне был только один осел, которого Хуан Иньшэн обычно использовал для перевозки лекарственных трав. Если только это не была большая богатая семья, обычные люди не могли позволить себе много крупного скота, это было дорого и требовало заботливого ухода.

Ему нечего было делать, поэтому после того как тщательно вычистил своего черного коня до блеска, он заодно вымыл и осла.

Вода в Тунчжоу тихо журчала, ручьи текли непрерывно, и время, казалось, замедлилось.

Хо Шу вымыл лошадь, а затем пошел прогуляться по городу, слушая, как горожане оживленно обсуждают, кто еще попал в список, и как им повезло, и так далее.

На улицах было оживленно в любое время дня.

Он прогулялся, пока солнце не начало садиться на западе, и только тогда вернулся в медицинскую лавку Хуанцзи.

После целого дня работы молодой ученик-травник наконец-то вывесил табличку «Закрито» и закрывал деревянные ставни одну за другой.

Хуан Иньшэн с нахмуренными бровями и аптекарь стояли у входа.

«Сообщение передали?»

«Уже попросил возчика из деревни передать, что Тао гер остался в медицинской лавке, чтобы помочь, устал и переночует здесь, а завтра утром вернется».

Хуан Иньшэн, заложив руки за спину, кивнул: «Хорошо, так его родителям не придется волноваться и приходить в город поздно ночью. Скоро урожай, в деревне дел невпроворот, старосте приходится за всем следить».

Аптекарь ответил: «Я только что заглянул к Тао геру, жар спал, но он все еще говорит, что чувствует себя плохо».

Хуан Иньшэн вспомнил мальчика, лежавшего в кровати с высокой температурой, и его сердце сжалось от беспокойства. С нахмуренным лицом он сказал: «Такой большой мальчик, а все еще балуется и идет к реке, как это опасно! Что бы мы делали, если бы с ним что-то случилось?»

Аптекарь усмехнулся: «Сегодня объявляют результаты осенних экзаменов, Тао гер, конечно, пошел посмотреть, это не баловство. У него такой хороший характер, вы разве не знаете?».

Когда он сказал об этом, Хуан Иньшэн словно что-то вспомнил: «Я совсем закрутился от работы, забыл об этом».

Сказав это, он снова вздохнул: «Сдал или не сдал – это уже было решено на осенних экзаменах, зачем торопиться узнать результат?»

«Этот ребенок из семьи Юй действительно выдающийся талант, но он слишком сосредоточен на учебе, в остальном не очень. Мне всегда казалось, что у этого ребенка непростой характер, но родители маленького Таоцзы очень его любят».

«Не упоминайте главу деревни, даже если вы посмотрите на всю династию Ли, кто не будет ценить ученых? Вы беспокоитесь так, потому что любите Тао гера, но у нашего старосты острый глаз, Юй Эрлан с первого раза сдал экзамен!»

Лицо аптекаря сияло от радости: «В будущем он станет господином цзюйжэнем, хоть Тао гер и слаб телом, но у него счастливая судьба».

Хуан Иньшэн, услышав это, с удивлением сменил обеспокоенное выражение лица на изумленное: «Правда?»

«Хуан Ци видел список, написано черным по красному, ошибки быть не может!»

«Раз у Юй Эрлана есть такие способности, то мне больше нечего сказать».

Как только он закончил говорить, Хуан Иньшэн увидел приближающегося человека. Он

замолчал и повернулся: «Доблестный Хо вернулся, мы как раз собираемся готовить ужин».

Хо Шу не знал, о чем они говорили, но, судя по всему, Хуан Иньшэн был в хорошем настроении. Он слегка кивнул и, следуя его словам, вошел в дверь.

В это время на кухне на заднем дворе уже горел огонь, вился дым, видимо, собирались готовить ужин для себя.

Вечером люди возвращались домой, обычно это было время, когда вся семья собиралась вместе, поэтому ужин стал самым обильным приемом пищи за день.

Лавка закрылась, и появилось время готовить еду.

«Брат Хуан Ци, я очень хочу съесть курицу по-дунаньски».

«Сейчас ты очень слаб, нельзя есть такую острую пищу. Я уже сварил тебе кашу, съешь ее, а когда поправишься, поешь в следующий раз».

«Я нечасто ночую у дедушки, когда же я смогу поесть в следующий раз?»

Хо Шу только что подошел к двери комнаты, когда услышал голоса из кухни. Он взглянул и услышал, что это голос маленького гера.

Он замедлил шаг и прошел вперед.

В кухне было туманно от пара, и огонь в печи гудел.

Молодой ученик-травник, который сегодня разносил еду, резал овощи у плиты, а на низкой скамейке под плитой сидела маленькая фигурка.

На голове был накинут капюшон, так что лица не было видно, только две бледные руки были вытянуты, локти опирались на ноги, а ладони грелись у огня.

«В следующий раз, когда ты придешь, я приготовлю обед».

«Днем в медицинской лавке много работы, откуда время на готовку?»

«Сяо Тао, если бы я дал тебе сегодня курицу по-дунаньски, доктор Хуан выгнал бы меня».

После захода солнца действительно было не так тепло, как днем, но все равно не настолько

холодно, чтобы греться у огня.

Хо Шу поднял бровь. Похоже, он действительно сильно болел, но аппетит у него был хороший, он даже знал, что нужно капризничать, чтобы получить курицу по-дунаньски.

Он не стал беспокоить их и вернулся в комнату.

Хо Шу прибрался в комнате, сложил свой узел, готовясь отправиться рано утром.

Как раз когда он складывал и запихивал в узел снятую сегодня одежду, в дверь постучали.

Брови его слегка дрогнули. Он встал, подошел и открыл дверь. В первый момент, выходя, он никого не увидел.

Опустив взгляд, он увидел у двери пушистый плащ с капюшоном.

«Это... плащ, возвращаю доброму господину».

Аккуратно сложенный плащ протянули ему. Хо Шу, не изменив выражения лица, опустил глаза и посмотрел на маленького гера, который слегка опустил голову и стеснялся смотреть на него.

Гер, увидев, что он не берет, еще немного поднял плащ и протянул ему.

Хо Шу заметил на плаще маленькую коробочку размером с пол-ладони и спросил: «Это что?»

«Большое спасибо вам, добрый господин, за то, что сегодня спасли мне жизнь и не пожалели сил, чтобы проводить меня обратно. Я, скромный гер, не могу отплатить вам в полной мере, но это немного мази и лекарства для наружного применения, которые я приготовил сам. Хочу этим выразить вам благодарность за ваше благородство».

Согласно правилам приличия, которым его учили с детства, ему не следовало общаться с незнакомыми мужчинами; но по зову сердца, этот человек спас его и проводил домой, и он должен был лично поблагодарить его.

Поэтому, услышав, что человек не ушел и остался во дворе, он встал с кровати, прибрался, сложил его плащ и ждал, когда человек вернется, чтобы вернуть вещь владельцу.

«Надеюсь, добрый господин не будет пренебрегать этим».

Хо Шу опустил глаза, смотря на маленького гера перед собой, который поверх обычной осенней одежды носил стеганный жилет и еще зимний плащ с меховой отделкой.

Он был полностью закутан, только небольшое лицо торчало, словно он готовился к зиме.

На его лице все еще был неестественный румянец, видимо, от жара, который еще не полностью сошел, и весь он казался каким-то разгоряченным.

Голос тоже был не таким ясным, как днем, а значительно охрипшим.

Белая мягкая булочка вдруг превратилась в «персик долголетия».

«Доктор Хуан уже поблагодарил за вас, вам не нужно снова выражать благодарность».

Хо Шу протянул руку и взял платок. Сказав это, он, однако, взял и коробочку.

Эти наружные средства ему действительногодились бы, это был приятный жест.

Он как будто не из заботы, а просто из привычки к пустой болтовне, спросил:

«С тобой все в порядке?»

Цзи Таоюй почувствовал, что от этого человека исходит аура «что мне до жизни и смерти других», и то, что он спас его и даже спросил об этом, уже было достаточно, чтобы его удивить.

Он серьезно ответил: «Вернувшись, у меня поднялась температура, я принял лекарство и спал все это время, мне уже гораздо лучше».

Хо Шу, видя, как он выглядит сейчас, понял, насколько плохо ему было раньше.

Глядя на то, как он мучился, у него даже появилось легкое чувство раскаяния. Если бы он знал, что у него такая слабость, он бы нырнул в воду и вытащил его сразу же, как только увидел, что он упал.

Цзи Таоюй, видя, что Хо Шу молчит, поплотнее закутался в плащ и тихо сказал: «Тогда я не буду вам мешать».

Сказав это, Таоюй, съежившись в плаще, приготовился уйти. У самой двери сзади вдруг раздался голос.

«Кстати, как тебя зовут?»

Цзи Таоюй остановился. Он немного поколебался, хотел ответить, но тут же вспомнил Юй

Эрлана.

Сегодня он не только не увидел списка, но и чуть не лишился жизни. Он был в таком плачевном состоянии, что независимо от того, сдал Юй Эрлан или нет, ему было неудобно идти поздравлять или утешать его.

Однако только что, когда у него спал жар и он немного прояснился, Хуан Ци сообщил ему, что Юй Эрлан не только попал в список, но и занял неплохое место. Хотя ему было не по себе, в душе он обрадовался.

Его брак с Юй Эрланом не был секретом. С тех пор, как он стал понимать вещи, мать и отец говорили ему об этом. И Юй Эрлан относился к нему довольно хорошо, иногда даже дарил ему книги и мелкие вещи. Хотя их отношения нельзя было назвать страстной любовью, оба они знали о предстоящем браке.

Теперь, когда они оба достигли возраста для вступления в брак, а его отец давно планировал устроить свадьбу, как только Юй Эрлан попадет в список в этот раз, в ученых семьях больше всего ценились приличия. То, что его спас незнакомый мужчина из воды, само по себе не должно было быть оглашено, и тем более не стоило, чтобы кто-то узнал его имя.

Цзи Таоюй вежливо обернулся, но все же склонил голову: «У меня, скромного гера, мало удачи, и имя у меня не очень хорошее, боюсь, доблестный господин посмеется. Имя того, кому оказали благодеяние, незначительно, важнее знать почтенное имя самого храброго человека».

Хо Шу стоял в дверном проеме, спокойно глядя на Цзи Таоюя. Он выглядел слабым и хрупким, но на язык был очень острым.

Он больше ничего не сказал, повернулся и прямо вошел в комнату.

Цзи Таоюй услышал, как дверь с хлопком закрылась. Он поднял голову, посмотрел на плотно закрытую дверь и невольно застыл.

Он... рассердился?

Он сжал край одежды. Что же... что делать?

—